

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

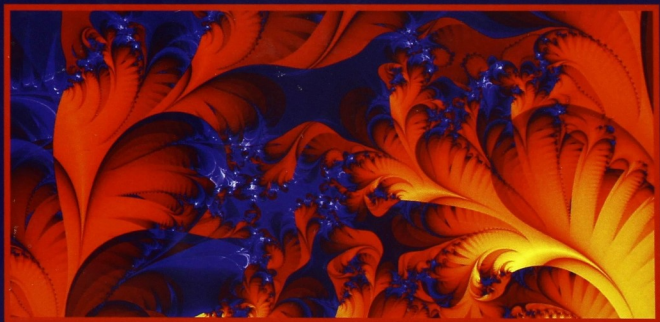
Ю. М. Соколов

Русский фольклор

(устное народное
творчество)

Часть 2

Учебник
4-е издание

УМО ВО
РЕКОМЕНДУЕТ

 Юрайт
издательство
biblio-online.ru

Ю. М. Соколов

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР (УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО) ЧАСТЬ 2

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Под научной редакцией **В. П. Аникина**

4-е издание, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве
учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по гуманитарным направлениям*

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

707668-43
СА-3997404

Содержание

Былины.....	4
Библиография	38
Исторические песни.....	43
Библиография	65
Духовные стихи	67
Библиография	73
Сказки.....	75
Библиография	154
Народная драма	156
Библиография	164
Лирические песни	165
Библиография	183
Частушки.....	184
Библиография	197
Песенники и народные переделки песен	198
Библиография	214
Фольклор фабрик и заводов	215
Библиография	242

БЫЛИНЫ

Среди бесконечно разнообразных произведений русского народного творчества (фольклора) одно из самых видных и почетных мест принадлежит старинным эпическим песням, называемым крестьянскими сказителями «старинами», или «старинками», а в науке известных под именем «былин».

Термин «былина» — искусственный, введенный в научное употребление в 30-х гг. XIX в. ученым-дилетантом И. П. Сахаровым на основании известного выражения из «Слова о полку Игореве» — «былины сего времени».

Значение былин в истории русской национальной культуры чрезвычайно велико. Эти древние песни очень ярко и полно отразили в себе разнообразнейшие стороны исторической и бытовой жизни русского народа; они являются чудесными памятниками народного самобытного искусства. Былины поражают богатством повествовательных сюжетов и мотивов, обобщающей силой и монументальностью художественных образов, воплотивших в себе героические черты русского народа, его мечты и чаяния, чеканностью поэтических форм, выработанных многими поколениями народных певцов, сочностью и выразительностью народного языка.

Монументальность эпических образов и вся поэтическая полноценность русских былин делают их не только национальной русской гордостью, но и по праву ставят их в ряд таких прославленных произведений эпоса других народов, как греческие «Илиада» и «Одиссея», французская «Песня о Роланде», германская «Песнь о Нибелунгах», скандинавские «Саги», а также, хотя и обработанные отдельными писателями, но основанные на древних традиционных народных песнях иранская «Шахнаме» Фирдоуси, грузинская поэма «Рыцарь в тигровой шкуре» Руставели, карельская «Калевала».

Русские былины недаром привлекали к себе внимание не только ученых исследователей (русских и иностранных), но и великих поэтов, музыкантов и художников, давая много стимулов для их творчества. Былины, знакомые Пушкину по сборнику Кирши Данилова, как теперь в достаточной степени доказано, много содействовали насыщению поэзии Пушкина образами и поэтическими богатствами народной речи. Былины вдохновили Римского-Корсакова на создание знаменитой оперы «Садко». Из былин взял образы «Трех богатырей» Васнецов. Былинам суждено вдохновлять поэтов, музыкантов, художников и в наше время и в будущем.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Очень близким к былинам эпическим жанром русского фольклора являются так называемые «*исторические песни*».

Термин этот, так же как и термин «былина», — не народного происхождения, а введен исследователями фольклора для обозначения произведений, примыкающих к былинному эпосу, но все же отличных от него и по своему содержанию, и по форме. В народном употреблении, в устах крестьянских сказителей исторические песни обычно не выделяются в особую жанровую группу и называются наравне с былинами — «старина», «старинка».

Но для исследователей и собирателей фольклора жанровые отличия исторической песни от былины в основном довольно ясны, хотя в отдельных случаях нередко встречаются тексты промежуточного типа: исторические песни, переходящие в былинку, и реже былины, трансформируемые в историческую песню, о чем речь будет идти дальше.

В общих чертах историческую песню как особый фольклорный жанр можно определить (сопоставляя с былинкой) как эпическую песню, сравнительно с былинкой, более короткого размера, с менее строго выдержанной эпической «обрядностью» (т. е. с менее выдержанными приемами ретардации, повторений, традиционных эпических формул), с менее строго выдержанным строем эпического традиционного стиха, в содержании своем более отчетливо и более близко к действительности, чем былина, передающую исторические факты (исторические события и имена исторических лиц).

По всему своему характеру исторические песни представляют собой более позднее, чем былина, жанровое образование, в значительной степени выросшее на основе богатой былинной традиции и в дальнейшем своем существовании в творчестве сказителей подвергавшееся ее художественному воздействию.

При определении времени возникновения исторических песен как особого жанра невольно обращает на себя внимание тот факт, что изображаемая во многих исторических песнях эпоха относится либо ко второй половине XVI в., либо к началу XVII в., либо (с известными изменениями в стиле песен) к концу XVII в. События, воспеваемые в исторических песнях, — либо события царствования Ивана Грозного, либо события крестьянского движения и польской интервенции, так называемой Смуты начала XVII в., либо столетием позже крестьянского движения Степана Разина.

СКАЗКИ

Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устнопоэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера. Такое определение мы выводим из наблюдений над жизнью сказки в народных устах. Эти рассказы-«сказки» включают в себя, как увидим, целый ряд жанров и видов, которые должны быть рассмотрены каждый особо.

Древним термином для сказок было слово «басень» от глагола «баять» — говорить, как и сказочники, в Древней Руси назывались «бахари» и, может быть, «баяны». Термин «сказка» в современном значении слова встречается с XVII в.

Несмотря на то что существование сказок в Древней Руси является фактом несомненным, собственно *записи сказок* появляются очень поздно. Объясняется это общим церковным направлением древнерусской книжности, бывшей достоянием господствовавших классов, всячески сопротивлявшихся появлению в книге произведений светской, тем более устной литературы. Но сами обличения суровых проповедников против «басен бесовских» говорят о наличии последних в быту народа. Уже в поучении XII в. запрещается «басни баять». Серапион Владимирский (XIII в.) умоляет паству не слушать «басень человеческих», а притекать к «божественному писанию». Это настроение церковников длилось до самого конца затянувшегося русского Средневековья. Когда под влиянием церкви царь Алексей Михайлович устроил погром скоморохов и вообще открыл гонение на светское искусство и поэзию, не миновала «немилость» и сказок. В знаменитой царской грамоте к воеводам 1649 г. говорится, что «многие челоуецы неразумьем веруют в сон, в встречу, и в поглаз, и в птиций грай, и загадки загадывают и сказки сказывают небывалые, и празднословием и смехотворием, кошунанием души свои губят такими помраченными делами». За все это «тишайший» царь приказывает воеводам налагать строжайшие кары.

Однако, несмотря на все это, широко развитое на Руси сказочное творчество в том или другом виде сумело преодолеть всяческие преграды и проникнуть в письменность. В летописях, в различных сказаниях, в повестях, в житиях можно найти немало отголосков и переработок устного сказочного материала. Достаточно хотя бы сослаться на известное «Житие Петра и Февронии Муромских» (XVI в.), которое использует сказочный мотив о «мудрой деве» — разгадчице и советчице.

В XVI—XVII вв. в рукописях начинают широко распространяться под видом повестей пришедшие на Русь частью устным, частью письменным

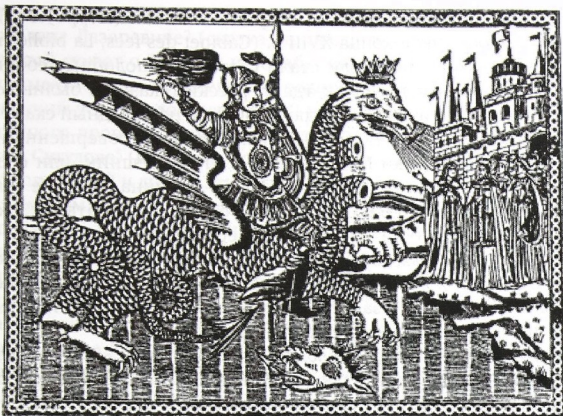

Рис. 16. Еруслан Лазаревич. С лубочной картинки

Рис. 17. Бова-королевич С лубочной картинки

Пробуждение живого интереса к народной сказке проявляется в конце десятых и особенно в 20-е гг. XIX в. в связи с установившимися романтическими настроениями и идеями в области литературы, философии и истории, с культивируемым принципом «народности», с интересом к глубокой старине.

НАРОДНАЯ ДРАМА

Под термином *народная драма* можно понимать:

- 1) драмы, созданные для народа; и
- 2) драмы, создаваемые народом.

Здесь мы будем говорить о народной драме лишь во втором смысле этого термина.

Если понятие драмы характеризовать диалогом, предназначенным для изображения в действии, то мы найдем элементы народной драмы в огромном числе еще на самых первых ступенях культурного развития. Первобытный синкретизм (см. выше), свойственный первым ступеням творчества всех народов, в силу своей природы уже включает в себе элементы народной драмы (как это, например, ярко показано в классических работах Веселовского). Заклинательные обряды отсталых народов, мимирующих охоту, рыбную ловлю, войну в хозяйственно-магических целях, достаточно наглядны в своем драматическом смысле. В достаточной степени пережитки первобытного синкретизма с их драматическими элементами сохраняются в фольклоре всех европейских и внеевропейских народов.

В русском фольклоре элементы народной драмы представлены очень широко в календарной обрядности и в обрядах семейных, особенно свадебных. В зачаточном состоянии элементы драмы находятся уже в самых обычных деревенских хороводных играх, хороводах, при этом хороводы делятся нередко на две переговаривающиеся половины.

На элементах народной драмы не могло не сказаться и влияние того огромного мира театральности, который культивировался церковью. Это влияние действительно сказалось как в языке народной драмы, так и в отдельных образах и некоторых мизансценах.

Но в русской народной драме воздействие это было значительно меньше, чем на Западе, и воспринято было главным образом пародийно (см., например, комедии «Маврух», «Пахомушка» и эпизодические роли попа в других пьесах).

Церковное воздействие на народное русское театральное творчество непосредственно сказывается уже по окончании Средневековья, на почве воздействия католической церкви, шедшего через Польшу прежде всего в юго-западную Русь. Влияния эти сказались через юго-западную духовную школу. Уже в самой Польше иезуитская школьная драма, разрабатывавшая библейские и церковно-легендарные сюжеты по всем правилам схоластических латинских пиитик, в качестве образца бравшая пьесы Плавта и Теренция, допускала так называемые интер-

медии. Интермедии — комические бытовые сценки, разыгрывавшиеся уже не на латинском, а на народном языке, зачастую даже не на польском, а на украинском или белорусском. В этих интермедиях польской школьной драмы нельзя не видеть элементов народного театра.

Школяры, ученики иезуитских collegий, провинциалы, иногда украинского или белорусского происхождения, связанные с бытовой жизнью низшего духовенства и крестьянства, были, с одной стороны, проводниками национальных, «простонародных» моментов в школьные драмы, а с другой — очень содействовали популяризации драмы в народной толще, устраивая, правда, в упрощенном виде, спектакли в селах и деревнях. Интермедии Киевской академии, а впоследствии и других духовных школ на Украине, в Белоруссии и даже в России, еще более усилили тот же процесс.

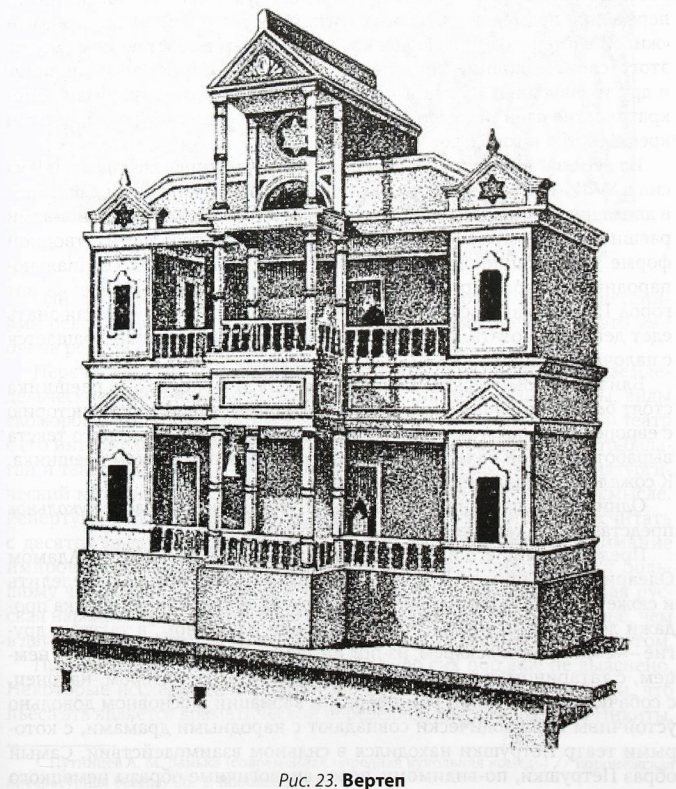

Рис. 23. Верпет

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Если, как мы видели, очень велик репертуар русского сказочного творчества, то поистине неисчерпаем репертуар песенный. Научными сборниками закреплено в печати огромное число песен. Достаточно сказать, что, например, в сборнике акад.

А. И. Соболевского «Великорусские песни» (7 томов) напечатано 4772 текста, в сборнике П. В. Шейна «Великорус», т. I, вып. 1, — 1283, в «Песнях», собранных П. В. Киреевским, — 4160, не говоря уже о многочисленных сборниках, посвященных песням какого-нибудь определенного района (например в сборнике бр. Б. и Ю. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» имеется 686 песенных номеров, не считая частушек).

И все-таки каждый исследователь лирической песни считает, что имеющихся записей недостаточно, так как песенные тексты имеют особенно большую способность варьирования, значительно большую, чем тексты эпические. Построенная больше на выражении эмоций, чем на изложении сюжета, лирическая песня, естественно, дает еще больший, чем эпическая песня, простор для внесения певцом или группой певцов новых чувств, представлений, поэтических образов. Можно утверждать, что всей массы напечатанных текстов для суждения о народной песне недостаточно. Песенное богатство в действительности еще во много раз больше.

Недостаточно собранных текстов и потому еще, что многие записи произведены без соблюдения научных требований, часто не вполне точно, так что исследовательская работа над ними в историческом ли плане, в плане ли стилистическом до чрезвычайности затруднена.

Существенной причиной многочисленности вариаций лирической песни является и то обстоятельство, что, в противоположность былинам или духовным стихам, ее поют не отдельные профессионалы вроде сказителей или калик, а все — старые и малые, дома и в поле, в одиночку и «артелью», т. е. хором. Следовательно, налицо еще большая возможность вносить изменения в текст, то и дело подновлять его, приспособлять к новым настроениям и видам, при непонимании или при недостаточной выучке — исказить.

Талантливость исполнителей песни определяет степень ее художественности. Как среди носителей других жанров, так и среди певцов встречаются и одаренные натуры, и посредственности, и прямые бездарности. Подлинный художник-певец пользуется заслуженной попу-

огромные возможности. Было бы, однако, совершенно неверно думать, что к подобным механическим изменениям можно свести весь процесс переработки литературного текста. Ведь и самые «механические» изменения могут быть названы таковыми весьма условно. Ошибки памяти, ведущие к заменам, пропускам, дополнениям, контаминациям, обусловлены психикой той среды, которая усваивает данный текст. Пропуски и замены при более детальном изучении могут оказаться не столь случайными, каковыми они представляются на первый взгляд¹. Само направление ошибок памяти соответствует психическому складу, бытовым навыкам и идеологии воспринимающей среды. При массовом материале отдельные «ошибки» складываются в закономерную картину, в которой нетрудно вскрыть классовую их обусловленность. Итак, «механические» изменения превращаются в изменения органического порядка. Кажущееся внешним сцепление ассоциаций имеет более глубокие корни в психике соответствующей социальной среды.

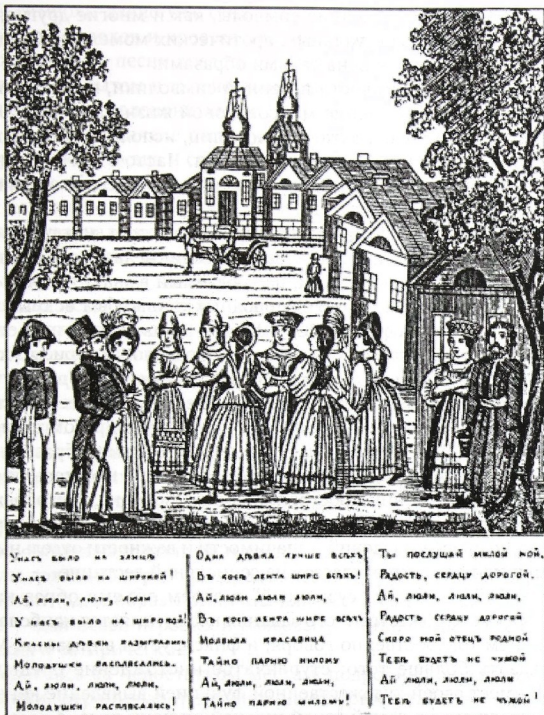
ПЬЕСЫ

Отдалъ меня батюшка	Что неведому видать	Ужъ ты Свекоръ затиска	Вы речушки асываючи
Не въ махри семью	А Свекоръ говоритъ	Позови мнѣ по горюху прятать	Види нечего въ чужой семьѣ
Охъ до охъ ты мнѣ	Эмю дичю	Слова выговарятъ	Ухмылять Я поставлю на каротъ
Что не махри не согласилю	Девуря говоритъ	Что Невадо а неведуды	Имъ до горюху прятать
Свекоръ да Свекоръ	Что не орлу алуать	Въ сонномъ дасу януать	Валену глаза доса похотъ
Девуря Девуря	Азалеушки говоритъ	Эмю дича въ Свекорюшка моя	Касель Непохотъ асываючи
Два заловуши	Что лерлу водуть	Девуря махди уастъ яны талы	Не ударю ты нехъ Мужъ
Да дѣв Татушн	Дѣв Татушки Асываючи	Вы заловуши лутавскъ	Ухмыля Желъ асываючи
Какъ Свекоръ говоритъ	Все нелъ махду асываючи	Вамъ салитъ зануль ади	Желъ асываючи асываючи

Рис. 29. «Отдал меня батюшка...» С лубочной картинки

Одним из основных композиционных приемов, использованных русской крестьянской лирикой, является так называемый *психологический параллелизм*. Академик А. Н. Веселовский в своей работе «Психологи-

¹ Суждения Соколова о контаминации с течением времени у других исследователей оформилось в идею о ее связи с творчеством отдельных лиц. Существует и иной взгляд на контаминацию — как на следствие искажения и распада устойчивых традиций в фольклоре. — Прим. ред.

У насъ было на улице!	Одна дѣвка лучше всѣхъ	Ты послушай милый мой,
У насъ было на широкѣй!	Въ косѣ лента шире всѣхъ!	Радость, сердца дорожой.
Ай, люли, люли, люли	Ай, люли, люли, люли,	Ай, люли, люли, люли,
У насъ было на широкѣй!	Въ косѣ лента шире всѣхъ	Радость, сердца дорожой
Красны дѣвки разигрались	Молодья красавица	Скоро мой отецъ родной
Молодушки расплескались.	Тайно парню нилому	Тебѣ вѣдѣть не чужой
Ай, люли, люли, люли,	Ай, люли, люли, люли,	Ай люли, люли, люли
Молодушки расплескались!	Тайно парню нилому!	Тебѣ вѣдѣть не чужой!

Рис. 30. «У нас было на улице...» С лубочной картинки

Все сказанное выше станет ясным из двух-трех примеров. Изображение природы дается в следующей песне:

Долина, долина ты зеленая.
 По тебе, долина, дорожка широкая,
 Дорожка широкая, реченька быстрая,
 Реченька быстрая, круты бережочки;
 Как на крутеньком бережочке
 На нем желтые песочки,
 На желтеньких на песочках
 Стоят три садочка.
 Как во первом во садочке
 Соловюшко свищет.
 А во втором садочке

Я от батюшки мала осталася.
 Своей матушки не вспомню.
 Как вспоил-то, вскормил родной братец,
 Возлеяла меня родна сестрица.
 Уж как брателко сестру любит,
 По вечерочкам сестру водит.
 На коленочки сестру садит.
 По головушке сестру гладит:
 «Не ходи-ка ты, сестра, замуж,
 Ты ни в город, сестра, ни в деревню,
 В несогласную большую семью,
 Ты ни к свекру, сестра, ни к свекровке,
 Ни к деверьям, сестра, ни к золовкам».
 Нажила-то я, девушка, все заботы:
 Уж как первая забота чужа сторона,
 А вторая-то забота лютый свекор,
 Лютый свекор-то, зла свекровка.
 Уж как третья-то забота — что деверья,
 Что деверья-ли да золовки,
 А четверта-то забота неудал муж.
 Уж как не с кем мне думу думать,
 Не с кем тайное слово молвить¹.

ПѢСНЯ

Волнуха, волнуха, 1 Волнуха, волнуха, волнуха, 2 Волнуха, волнуха, 3 Волнуха, волнуха, волнуха, 4 Волнуха, волнуха, волнуха, 5 Волнуха, волнуха, волнуха,	Судьбы твои, судьбы твои, 1 Судьбы твои, судьбы твои, 2 Судьбы твои, судьбы твои, 3 Судьбы твои, судьбы твои, 4 Судьбы твои, судьбы твои, 5 Судьбы твои, судьбы твои,	Батюшка батюшка, 1 Батюшка батюшка, батюшка мой, 2 Батюшка батюшка, батюшка мой, 3 Батюшка батюшка, батюшка мой, 4 Батюшка батюшка, батюшка мой, 5 Батюшка батюшка, батюшка мой,	Сестренка сестренка, 1 Сестренка сестренка, сестренка моя, 2 Сестренка сестренка, сестренка моя, 3 Сестренка сестренка, сестренка моя, 4 Сестренка сестренка, сестренка моя, 5 Сестренка сестренка, сестренка моя,
--	--	---	---

Рис. 31. «Во лузях...» С лубочной картинки

¹ Соболевский А. И. Указ. соч. Т. II. №571.

В этой песне налицо обе формулы: «своя» и «чужая семья», причем вторая повторяется еще раз с прибавлением характерных эпитетов. Песня имеет запев и концовку, обе лирического характера, а в середине — ступенчатые ряды образов соединены переходным местом: «братец жалеет сестру и не советует выходить замуж». Ясно, что прием «постепенного сужения образов» имеет в этой песне доминирующее композиционное значение.

Пряжи моя пряха.
Пряжи не ленился
Я выткать пряжу
Да немца гости звать
Звали, затыкали
Из сосуда во веселу
У соседа тутеть

Мой милый пригожий
Мой милый зерный.
Белый, кудреватый.
Хорош, кожаный
Вот ядешь мой милый.
На воронить коню,
Вь зылок валахоню

Шалопца сь утажи,
Головка сь издржи
Къ двору подымаешь
Домца встречаешь
За руки знатаеть.
За стоянть сажать

Рис. 32. «Пряжи моя пряха...» С лубочной картинки

В формуле «социальных отношений» перечень социальных понятий дается в нисходящем порядке. Иногда же соединяются обе формулы: «социальные отношения» и «семейные отношения», организующие две части песни. Эти ступенчатые ряды определяют собой разделение песни на строфы. В первой части вначале дается весь ступенчатый ряд (боярин — посадский — крестьянин), который затем разделяется, дробя песню как бы на строфы. Во второй части имеем формулу «семейные отношения».

Как у матушки у родимой
Три квашоночки растворены.
Да три дочери сговорены.
Перва дочушка — за боярина,
Друга дочушка — за посадского,
Третья дочушка — за крестьянина.
Перва дочушка пишет матери:
«Мать родимая, не тужи по мне.
Хорошо-то мне жить за боярином:

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**